

DOI: 10.31857/S086919080015050-2

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ:
МЕНЯЮЩАЯСЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

© 2021

Г.Г. КОСАЧ ^a^a – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
g.kosach@mail.ru

Резюме: Статья подчеркивает, что наиболее значимым проявлением воздействия Арабской весны на внутривнутриполитическую ситуацию в Саудовской Аравии стала попытка выразивших многообразные точки зрения активистов «образованного класса» создать свои первые организационные структуры и выступить в качестве равноправного партнера власти в процессе происходивших модернизационных изменений, предполагавших осуществление коррекции существующей политической системы. Речь шла не только о «либеральных интеллектуалах», но и о последователях умеренного салафитского «просветительского движения», провозгласивших создание Исламской партии уммы.

Эта попытка не только не имела успеха, но власть смогла успешно преодолеть бросающийся ей внутренний вызов, сохранив ведущую роль в качестве единственного инициатора осуществляемых перемен. Категорически отринув инициативу салафитов, но сохраняя тем не менее союз с «либералами», власть требовала от них полной лояльности. Попытки «инакомыслия» и «неповиновения властителю» исключались. Политический истеблишмент лишь выборочно и частично принимал требования своих условных «союзников».

Курс власти особенно ярко проявил себя после 2015 г., когда на трон взошел Сальман бен Абдель Азиз, а его сын Мухаммад бен Сальман стал наследником престола. Осуществляемые властью социально-экономические преобразования укрепляют легитимность режима. А его высшие представители, как и в эпоху до Арабской весны, продолжают играть бедуинско-исламскую роль «благородных правителей». Это положение исключает какие-либо устремления «либералов» изменить существующий порядок, оставляя своим «союзникам» роль «младших партнеров» власти и устрашая их возможностью репрессий.

Ключевые слова: Арабская весна, Саудовская Аравия, саудовский «образованный класс», саудовские «либералы».

Для цитирования: Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 97–108. DOI: 10.31857/S086919080015050-2

SAUDI ARABIA AFTER THE ARAB SPRING:
CHANGING DOMESTIC POLICY

© 2021

Grigory G. KOSACH ^a^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
g.kosach@mail.ru

Abstract: The article emphasizes that the most significant manifestation of the impact of the “Arab spring” on the internal political situation in Saudi Arabia was the attempt by activists of

the “educated class” who were expressing diverse viewpoints to create their first organizational structures and act as an equal partner of the authorities in the process of the ongoing modernization changes, which also assumed the implementation of correction of the existing political system. It was not only about “liberal intellectuals”, but also about the followers of the moderate Salafi “enlightenment movement”.

This attempt was not only unsuccessful, but the government was able to overcome the internal challenge that was thrown at it, retaining the leading role as the only initiator of the changes being made. Having categorically rejected the initiative of the Salafis, but nevertheless maintaining an alliance with the “liberals”, the authorities demanded complete loyalty from them. Attempts to “dissent” and “disobey the ruler” were ruled out. The political establishment only selectively and partially accepted the demands of its conditional “allies”.

The course of power was especially pronounced after 2015, when Salman bin Abdel Aziz ascended the throne, and his son Muhammad bin Salman became a crown prince. The socio-economic transformations carried out by the authorities strengthen the legitimacy of the regime. And its highest representatives continue to play the Bedouin-Islamic role of the “noble rulers”. This provision excludes any aspirations of the “liberals” to change the existing order; leaving their “allies” the role of “junior partners” of the government.

Keywords: Arab Spring, Saudi Arabia, Saudi “educated class”, Saudi “liberals”.

For citation: Kosach G.G. Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Policy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 97–108. DOI: 10.31857/S086919080015050-2

Оценивая воздействие событий Арабской весны на страны региона, российский исследователь констатировал: «Арабские монархии устояли перед натиском протестного активизма, жертвами которого стали республиканские государства». Развивая этот вывод, В.В. Наумкин полагал, что устойчивость монархий связана с «фактором легитимности», который выше «в полноценном монархическом режиме», «чем в республике» [Наумкин, 2011].

Саудовский активизм 2011 г. был далек от того, чтобы обрести черты революционного взрыва. Его узость (и одновременно широкое идейно-политическое разнообразие) очевидна. В рядах активистов действовали те, кого национальный дискурс той эпохи уже называл «либералами», как и сторонники движения «Братья-мусульмане», заявившие в феврале 2011 г. о создании апеллирующей к шариатской норме Исламской партии уммы (Хизб аль-умма аль-ислям). Из среды этих активистов, включавших сторонников «революционного нетерпения», в марте 2011 г. прозвучал (не нашедший общественного понимания) призыв начать *желанную революцию – саура́т ханин*. В городе Эль-Авамия (Восточная провинция) вспыхнули территориально ограниченные волнения шиитской молодежи, переросшие в погромы нешиитов и расхищение государственной собственности. Вопрос не заключался лишь в скромности масштаба событий саудовского варианта Арабской весны – их участники (что не относилось к волнениям в Эль-Авамии) настаивали на участии в модернизационном процессе, стремясь действовать в союзе с властью, олицетворяемой монархом.

При всех различиях в нюансировке этой постановки вопроса (колебавшейся от «свободного доступа граждан» к общественно-политическому процессу до провозглашения «ценностей ислама» источником «демократических перемен») активисты были едины, видя себя «конструктивным» союзником политического истеблишмента и избегая называть себя «оппозицией». Как и власть, считавшая, что Арабская весна – «несущее бедствия землетря-

сение регионального масштаба» [Dinamiyat, 2011], они видели в ней «анархию, кровопролитие, поспание основ существования государства и правопорядка» и, обращаясь к монарху (в то время Абдалле бен Абдель Азизу), оправдывали свои просьбы необходимостью не допустить распространения «этих бедствий на земле благословенной родины» [Saudiyun, 2011]. Соглашаясь с властью, они безоговорочно осуждали волнения в Эль-Авамие.

Саудовский вариант Арабской весны развивался в атмосфере подобия начала «этапа реформ», инициированного в январе 2003 г. на тот момент наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом, когда группа участников петиционного движения того времени вручила будущему монарху пронизанное обновленческой и религиозной риторикой «Видение настоящего и будущего родины». Подчеркивая, что менявшие мир последствия событий 11 сентября 2001 г. – «вызов королевству», авторы этого документа (под ним стояли подписи 115 человек) призывали власть к созданию «неотделимого от правителя и руководимого им гражданского общества», опирающегося на «избираемые объединенными с правителем едиными узами гражданами» институты центральной и муниципальной власти; предоставлению женщинам «обеспечиваемых шариатом» прав и диверсификации национальной экономики, избавленной от «нефтяной зависимости». Фоном формировавшегося «этапом реформ» союза власти и гражданских активистов стали первые террористические акции внутренней антисистемной оппозиции – «заблудшей группы» (*аль-фиа ад-далля*)¹ в саудовском дискурсе.

Как и в 2003 г. (к тому времени были приняты первые конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями), саудовский политический активизм 2011 г. испытал воздействие мощного внешнего вызова. В обоих случаях его участниками выступали выходцы из рядов «образованного класса», продолжавшие апеллировать к власти, не сомневаясь в ее легитимности и способности осуществить модернизационные реформы.

Оба случая не были тем не менее идентичны. Если «этап реформ» – следствие события мирового значения, то его подобие – итог регионального феномена. Петиционное движение 2003 г. выглядело как импульс к началу реформационных изменений, политический активизм 2011 г. стремился доказать возможность их ускорения. Сама же эта возможность определялась предшествующими процессами в саудовском обществе, когда «образованный класс» предстал уже не в качестве едва начинавшего осознавать собственные интересы социального образования, но внутренне дифференцирующейся общественной страты.

Саудовский социум урбанизирован: по итогам переписи 2010 г. 81% населения составляли жители городов (при этом почти 60% граждан страны сконцентрировало в трех мегаполисах – Эр-Рияде, Мекке и Медине) [Thalath, 2017]. По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев получили образование: 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, 34,4% – дипломами бакалавров. Образованны как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок направляются в зарубежные университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 высших учебных заведений и 52 региональных технических колледжа [Al-Mamlaka, 2010].

Общественная дифференциация приводила к естественным для этого процесса результатам. Еще в 2010 г., говоря об этом явлении, саудовский автор отмечал «ощутимый разрыв между поколениями», когда «новое образованное поколение» стремится «с помощью Интернета и спутникового телевидения войти в мир, освободиться от мелочной опеки», считая разрешенным то, «что ранее было запретным» [Al-Kuwailat, 2010].

¹ Термин восходит к заключительным аятам первой суры Корана – аль-Фатихи («Открывающей книгу»).

Становление нового социального слоя актуализировало вопрос о коррекции политической системы. Эта система должна была включить в себя обладателей современных профессий и стиля жизни, что, в свою очередь, не могло не привести к функциональному ограничению роли традиционных социальных структур. Сфера политики осмыслялась как поле равноправного сотрудничества «правителя и нации». Легитимность самого правителя (и в целом власти) оказывалась обусловленной его способностью инициировать и возглавить реформационный процесс. Власть была поставлена перед необходимостью дать ответ на принципиально иной (не связанный с попыткой подрыва ее позиций) внутренний вызов.

ВЛАСТЬ И АКТИВИСТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ: КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Этот вызов не выглядел непреодолимым. Активисты формировавшихся групп политического активизма видели свою задачу в том, чтобы сохранить (случай «либералов») либо установить (случай Исламской партии уммы) союз с властью. И те, и другие (хотя и в разной мере) имели опыт жертв репрессий, заставлявший их считать правящий политический истеблишмент непоколебимым. Призыв Исламской партии уммы создать «широкий фронт политической реформы», объединяющий «действующие внутри Королевства и за его пределами политические группы, правозащитные организации, молодежные движения и устремленных к реформам исламских активистов» [*Hizb al-umma al-islami*, 2011], был проигнорирован «либералами».

Отвечая политическим активистам, истеблишмент обращался к беспроектной бедуинско-исламской роли «щедрого и справедливого» правителя. В конце февраля 2011 г. Абдалла бен Абдель Азиз распорядился выделить из государственного бюджета и личных средств значительные суммы (более 121 млрд саудовских риалов) на нужды социального обеспечения, развитие системы профессиональной подготовки для женщин, повышение стипендий студентам, а также зарплат государственных служащих. Не менее значимые финансовые поступления направлялись в Фонд жилищного развития на возведение жилья для молодежи. Преданные гласности королевские указы предполагали оказание помощи в создании новых и развитии уже существовавших общественных организаций интеллигенции и содержали обещание частичной амнистии политических заключенных [*Istiqbal*, 2011].

Финансовая составляющая укрепления легитимности не выглядела достаточной. Встречаясь в конце февраля с «гражданами» (по словам короля, «гарантами единства родины»), монарх заявил о «новом этапе широкого национального диалога» на «благо отечества». Его начало было подтверждено 25 сентября 2011 г. тронной речью в Консультативном совете, когда было объявлено о предоставлении женщинам начиная с 2013 г. права назначаться в протопарламент – Консультативный совет, а также участвовать в выборах и баллотироваться в депутаты муниципальных советов. Говоря о своем решении, Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: «Взвешенное обновление, основанное на исламских ценностях и гарантирующее права человека – веление времени» [*Bi qaraḡun*, 2011]. Существенная (для Саудовской Аравии) уступка власти отвечала лишь на одну из просьб гражданских активистов.

Распространенное группой «либеральных интеллектуалов» – «Молодежью Фейсбука» («Шабаб Фейсбук») – «Заявление 23 февраля» призывало «Служителя Двух Благородных Святых провести назревшие реформы», способные создать атмосферу «борьбы с коррупцией, верховенства закона, равенства граждан и обеспечения прав женщин». Его авторы призывали ограничить средний возраст министров 40 годами, а членов Консультативного

совета (нуждавшегося в том, чтобы стать избираемым парламентом, состоящим из «талантливых специалистов – мужчин и женщин») – 45 годами. Они настаивали на трансформации монархии в конституционную, основанную на «разделении властей», «независимости суда», «легальности политических партий», а также призывали к отмене цензуры в средствах массовой информации и освобождению политических заключенных [Saudiyun, 2011].

В конце февраля 2011 г. в Эр-Рияде было распространено «Заявление 123-х», подписанное ста двадцатью тремя университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками и предпринимателями, утверждавшими, что «меры, предпринятые правителем для развития страны, недостаточны». Ставя те же вопросы, что и «Шабаб Фейсбук», авторы этого заявления подчеркивали, что выступают «не против существующей власти, а солидарны с теми в ее рядах» (правлящий монарх был первым среди них), «кто призывает к реформам», и предлагали разработать «поэтапный план политического реформирования» [Mathalib, 2011].

На этом же настаивала и Исламская партия уммы, стремившаяся стать антитезой *аль-фия ад-далля*. Ее создала группа из девяти человек – ранее действовавших как *просветительское движение – харакат ат-танвир*, представлявшее собой местное ответвление движения «Братья-мусульмане» (в своем «Учредительном заявлении» они сообщали, что являются «людьми науки и знания, университетскими преподавателями, адвокатами, бизнесменами, писателями, мыслителями и политическими активистами»). Партия провозглашала себя «мирной политической» структурой и «народным политическим образованием», устремленным к легальной деятельности. Ее программный документ настаивал на «уважении «определяемых шариатом» прав и свобод личности и, в первую очередь, ее права на «политическую свободу», как и «неотъемлемого права народа выбирать власть и контролировать ее действия», оговаривая принцип разделения властей и независимости судопроизводства [*Al-Nizam*, 2011].

«Миролюбие» документов партии контрастировало с реальностью. В начале марта 2011 г. связанное с ней Объединение свободной молодежи призвало «сторонников [опирающейся на шариат] справедливости» выйти на улицы городов, «совершить великий джихад на пути Господа и сказать свое слово неправедному правителю», начав *желанную революцию*. В обращении ее инициаторов говорилось, что «язык демонстраций и массовых собраний – единственный способ заставить осуществить требования граждан» [*Thaurat hanin*, 2011].

Призыв Объединения исключил достижение взаимопонимания власти и инициаторов создания Исламской партии уммы. Ее основатели были брошены в тюрьмы по обвинению в попытках «раскола единства нации». Отвечая им, Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: «Мы видим вокруг нас стремление посеять в народе злобу. Сегодня каждый стремится создать партию, а весь наш народ – единая партия. Каждый видит себя первым, в народе воцарилась вражда. Все это вызывает гнев Господа, да избавит Господь нас от этого зла». Развивая свою мысль и объединяя «просветителей» и «заблудшую группу», монарх заявлял: «Среди них те, кто ранее пытались сбить с истинного пути наших детей. Пусть же они знают, что мы можем наказать их сильнее, чем наказали. Они ведь сбивали с истинного пути наших детей, становясь убийцами» [Khadim Al-Harameyn yunawwih, 2013].

Сохраняя союз с «либералами», власть не только обеспечивала себе лояльность членов этой общественной группы, но также тщательно искореняла «инакомыслие» и «неповиновение властителю». Продолжая движение по пути модернизации (но называя ее *ат-тахдис* – «обновление»), политический истеблишмент лишь выборочно и частично принимал требования своих условных «союзников». Его точка зрения отталкивалась от необходимости «опоры реформ на выверенную всеобъемлющую и долгосрочную страте-

гию» при «сохранении национального единства» и «социальной справедливости» [Al-Amir Khaled, 2011]. Это означало, что только пользующиеся безусловным доверием активисты могли играть роль зависимого «младшего партнера» власти, остававшейся единственной инстанцией, имеющей право инициировать начинания, связанные с модернизационным процессом. К сфере коррекции политической системы это относилось в первую очередь.

ВЛАСТЬ КАК ИНИЦИАТОР ПЕРЕМЕН: СОДЕЙСТВИЕ «ОБРАЗОВАННОГО КЛАССА»

Годы, предшествовавшие Арабской весне, во многом изменили Саудовскую Аравию. Назначаемый монархом Консультативный совет, в состав которого из 150 членов вошло 30 женщин, обрел право законодательной инициативы, став органом, представляющим все регионы и конфессиональные сообщества (включая шиитов-двунадесятников и исмаилитов), как и центром притяжения для «образованного класса» и трибуной для выражения его пожеланий. В 2005 г. был создан Центр национального диалога (необходимость которого власть оправдывала ссылками на то, что она нуждается во мнении общества для продолжения реформ), на обсуждение которого выносились наиболее существенные вопросы внутреннего развития: отношения с последователями неханбалитских мазхабов, положение женщин, ситуация в среде молодежи.

В 2008 г. правящий монарх инициировал создание базирующегося в Вене Центра диалога религий и цивилизаций, основание которого меняло саудовский политический дискурс. Выступая в октябре 2010 г., Абдалла ибн Абдель Азиз заявлял об «открытости Саудовской Аравии миру», о власти и обществе, «черпающих вдохновение в Торе, Евангелии и Коране – Книгах, ниспосланных Господом, поскольку все человечество верит в справедливость, благополучие и мир» [Khadim Al-Harameyn, 2010]. В 2005 г. в Саудовской Аравии были возобновлены муниципальные избирательные кампании и повышена общественная роль предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат. В стране появился широкий спектр «общественных организаций» (формально независимых от государства), создаваемых профессиональными группами «образованного класса» (ассоциации менеджеров, историков, работников средств массовой информации), включая «общественный» Комитет прав человека.

Присваивая инициативы «либералов» (и повышая уровень своей легитимности), власть дозировано создавала то, что она называла «государством институтов», закладывая основы общенационального единства, в процессе конструирования которого ее роль оставалась ведущей. Власть вводила в саудовский дискурс новые термины: родина – *ватан* и производное от него *муватунун* – граждане. В 2005 г. Абдалла бен Абдель Азиз учредил отмечаемый 23 сентября национальный праздник – День объединения (ранее в стране отмечались только два основных праздника ислама – *ид аль-фитр* и *ид аль-адха*), ставший, по словам саудовского издания, «воплощением единства родины, развития всех регионов страны для преодоления вызовов и кризисов» [Al-Saudiya, 2015].

Выступая в сентябре 2011 г. в Консультативном совете, король Абдалла бен Абдель Азиз, заявив о двух серьезных уступках «либералам» – введении женщин в протопарламент и предоставлении им права участвовать в муниципальных выборах, счел необходимым подчеркнуть: «Осуществляемое нами обновление взвешено и отвечает исламским ценностям». Далее он недвусмысленно предупреждал: «Мы стремимся достичь того, что отвечает вашим чаяниям и интересам, того, что связано с вашим достоинством. Вы же можете только высказывать свое мнение, давая нам советы, как этого требуют положения шариата. Каждый, кто выйдет за пределы этих положений, нарушит закон и понесет полную

ответственность за свой поступок» [Vi qarageyn, 2011]. Та же мысль была повторена им и в феврале 2013 г. на встрече с членами Консультативного совета: «Развитие, к которому мы все стремимся, постепенно. Его постепенность предполагает, что вы должны быть ответственны, руководствуясь разумом при решении всех стоящих проблем» [Khadim Al-Harameyn Al-Sharifayn, 2013]. Это означало лишь, что союз с «либералами» нужен саудовской власти для коррекции проводимого ею курса (как внутреннего, так и внешнего), но вовсе не для того, чтобы пойти на радикальный пересмотр его базовых основ.

Саудовский «образованный класс», вышедший из недр патриархального общества, не стал внутренне сплоченной и четко определяющей программу своих требований силой. К 2006 г. в его рядах проявили себя две основные группы, определявшиеся саудовским исследователем аль-Хабибом как «либералы социального толка (*аль-либералийун аль-иджтимаийун*)» и «либералы-политики (*аль-либералийун ас-сиясийун*)». Если первые считали, что «основные проблемы Саудовской Аравии лежат в социо-культурной сфере», и призывали к проведению «широких социальных и культурных реформ», определяя себя в качестве поборников «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод» (но «остававшихся почвенниками», имея в виду лояльность королю и приверженность очищенной от «экстремистских излишеств» ханбалитской доктрине), то вторые настаивали на «всеобъемлющих политических реформах» (порой называя себя «атеистами») [Al-Nabib, 2011]. Отвечая им, уже в 2013 г. власть перешла от словесных угроз к репрессиям (как доказывал случай арестованного по обвинению в «оскорблении религии» и подвергнутого бичеванию блоггера Раифа аль-Бадави, а также наиболее последовательных феминисток).

Сохранение союза власти с «либералами социального толка» (обрамленного ее же жесткостью в отношении «либералов-политиков») требовало от них следования в ее фарватере, определявшегося в том числе и совпадением интересов обеих сторон. Наиболее ярким проявлением этой подчиненности власти стала безусловная поддержка ее курса на продолжение огосударствление религии и сужение сферы общественных полномочий связанного с вероисповедной практикой религиозного истеблишмента. Последовательно лишая мусульманских богословов (*улама*) контроля над женским образованием, выводя из сферы их компетенции институты судебной власти, осуществляя кодификацию ханбалитского права, решительно пресекая протесты высших представителей корпуса законоучителей против расширения сферы современного образования, власть превращала своих союзников в безусловных сторонников ее начинаний. Сами же «либералы социального толка» видели в союзе с властью возможность создать собственный «центр силы», предлагающий обществу лишенную религиозного рвения вероисповедную практику, когда, по словам одного из их идеологов, «будет преодолен взгляд на мир как на поле религиозной войны, что станет поворотным моментом в обращении к идее сосуществования с миром» [Mubarak, 2004].

Следуя за властью, «либералы социального толка» провозглашали себя «противниками консерваторов», теми, кто стремится к «открытому обсуждению общественно-политических проблем» [Al-Kuwailat, 2010]. Это «обсуждение» порождало то, что саудовский исследователь назвал «отчуждением между политиком и правоведом» [Al-Heiyth, 2011], особенно ощутимым в сфере женского равноправия (когда его символом становилась отмена запрета на вождение женщиной автомобиля) и в процессе мониторинга деятельности «полиции нравов» – Лиги поощрения добродетели и осуждения греха. Регулярно публиковавшиеся прессой сообщения о «проступках» сотрудников Лиги становились для власти «доказательствами» общественного недовольства, становившимися поводом для ограничения ее деятельности.

ВЛАСТЬ И ЛИБЕРАЛЫ: ЭПОХА ПРАВЛЕНИЯ САЛЬМАНА БЕН АБДЕЛЬ АЗИЗА

Очевидность этого обстоятельства в полной мере проявилась после начавшегося в 2015 г. правления Сальмана бен Абдель Азиза: начинания внука короля-основателя, наследного принца Мухаммада бен Сальмана, казалось бы, доказывали устремленность политического истеблишмента к удовлетворению запросов своих «либеральных» союзников. Появление в апреле 2016 г. проекта социально-экономической перестройки «Видение: 2030», вводившего новые акценты в политический дискурс, когда речь более не шла о «стране Двух Благородных Святынь», а о «Королевстве Саудовская Аравия» с его собственными «национальными задачами социально-экономического развития», а окружающее геополитическое пространство – «арабо-мусульманский мир» – начинало рассматриваться лишь как саудовский «стратегический тыл» [*Ruyat Al-Mamlaka*, 2016, p. 6], создавало впечатление о начале коренного поворота в развитии страны, предполагавшего «искоренение бюрократии и коррупции» и «преобразование благословенной родины» [Tahaqquq, 2016].

Представляя подготовленный под его руководством проект, Мухаммад бен Сальман провозглашал себя «частью страты молодежи» и «защитником ее идеалов»: «Саудовская Аравия, которую хочу создать я и 70% саудовцев, – говорил он в интервью лондонскому *The Economist*, – это Саудовская Аравия, не опирающаяся на нефть, это страна с растущей экономикой, с прозрачными законами, занимающая достойное место в мире, способная осуществить мечту любого саудовца, предоставив ему мотивирующие его стимулы». «Эта страна, – продолжал он, – с хорошей экологией, ... обеспечивающая участие всех в принятии решений, часть мира, участвующая в его развитии, противостоящая тем же вызовам, что и остальной мир» [Interview, 2016].

Проект «Видение: 2030» обретал черты национальной идеи, имевшей собственный символ. Выступая в конце октября 2017 г. на международном экономическом форуме в Эр-Рияде, наследный принц объявил о строительстве на побережье Красного моря особой экономической зоны – города науки, культуры, образования и туризма Neom². Завершавшие же слова «Видения: 2030» гласили: ««Мы выдвинем новые программы, корректируя наши действия, чтобы “Видение” стало, если позволит Господь, реальностью»» [*Ruyat Al-Mamlaka*, 2016, p. 80]. Легитимность действий наследного принца и его союза с «либералами» освящалась Божественной волей.

В проведенной в августе – декабре 2015 г. третьей муниципальной избирательной кампании женщины стали полноправными участницами электорального процесса. Этому начинанию предшествовали шаги, направленные на расширение сферы женской эмансипации – поступление на значимые государственные посты, получение удостоверений личности, избрание в руководящие органы торгово-промышленных палат и общественных организаций. С июня 2018 г. женщины получили право водить автомобиль – важнейшее требование «либералов» было реализовано.

Содействие «либералов» позволяло наследному принцу развивать наступление на корпус религиозных законоучителей. В конце сентября 2017 г. Консультативный совет одобрил принятое политическим истеблишментом решение о введении женщин – специалистов по мусульманскому праву в высшую религиозную инстанцию – Генеральный совет фетв. В Саудовской Аравии появились женщины-муфтии. Все так же на октябрьском Инвестиционном форуме принц заявил, что, «следуя устремлениям молодого общества», страна «покончит с религиозным экстремизмом», вернувшись «к умеренному исламу, открытому миру, всем религиям, всем традициям, всем народам» [Muhammad bin Salman: sanaqdh, 2017]. Возникла ситуация,

² Название образовано от греческого слова нео – «новый» и первой буквы арабского слова мадина – «город».

когда власть более не получает согласие религиозного истеблишмента на осуществляемые ею меры, связанные с важнейшими внутри- и внешнеполитическими решениями. Фактическая отмена хаджа 2020 в связи с пандемией COVID-19, не согласовывавшаяся с Советом высших улама, это доказывала.

Перестройка экономики на принципах открытости, приватизации и избавления от нефтяной зависимости, как и повышение качества жизни (что вытекало из проекта «Видение: 2030»), женская эмансипация и сужение сферы полномочий религиозного истеблишмента – чаяния выпестованного государством «либерального образованного класса», ориентированного на «реформатора во власти». Этому «классу» в октябре 2018 г. на втором Инвестиционном форуме в саудовской столице принц предложил модель саудовского будущего – динамично развивающийся эмират Дубай, обещая «через пять лет полностью изменить» Саудовскую Аравию и превратить «Ближний Восток в новую Европу» [Muhammad bin Salman: Asharq, 2018]. Перемены становились реальностью: весной 2018 г. впервые после 1979 г. были открыты кинотеатры, разрешены ранее запрещенные публичные выступления артистов, на которых могли присутствовать и женщины. Впервые в истории Каннского кинофестиваля в 2018 г. в нем приняла участие и Саудовская Аравия.

Союзники власти приветствовали «Видение: 2030» и антикоррупционную кампанию 2017 г., которая описывалась пользователями Twitter под хэштегами «революция 4 ноября» и «никто не спасется» [Thaurat 4 November, 2017]. Авторы сообщений требовали продолжить «революцию», призывая к новым арестам и задержаниям членов высшего политического и делового сообщества. Мухаммад бен Сальман получил поддержку тех саудовцев, представителем которых он провозглашал себя с момента своего прихода на вершину власти. Их поддержку он получил и в «деле Джамалы Хашогги». В нем видели «жертву необоснованных обвинений» и «защитника величия королевства» [Khashoggi, 2018]. Надежда на «реформатора во власти» укреплялась.

«Либералы» приписывали власти «глубоко укоренившуюся общенародное признание» и «историческую легитимность». Описывая их сегодняшнее отношение к системе правления, глава «общественного» Комитета прав человека (и член Центра диалога между религиями и цивилизациями) говорил о «недопустимости революции против режима, поскольку он – основа единства народа». Если, по его словам, «обрушится объединяющий народ шатер власти, то произойдет то, что мы видим в Сирии и Ливии» [Al-Majed, 2021].

«Либералы» надеялись на перемены, и их чаяния в определенной мере оправдывались. В 2020 г. известный экономист и член Консультативного совета Ханан аль-Ахмади была назначена заместителем спикера протопарламента. В свою очередь, Рима бинт Бандар бен Султан стала первой саудовской женщиной-послом, заняв пост представителя своей страны в Вашингтоне. В феврале того же года указом правящего монарха было разрешено создание подчиненных министерству культуры комитетов, специализирующихся на развитии литературы, издательской и переводческой деятельности, музеев, музыки, театров, кинематографии, живописи, моды. «Либеральный» журналист считал, что его страна сможет стать «региональным центром искусств», способствующим развитию «творческих талантов юношей и девушек», что станет вехой в эволюции противоположности «разрушительной Арабской весны» – «саудовской мягкой революции» [Al-Zaidi, 2020].

В феврале 2021 г. власть освободила двух находившихся в течение почти двух лет в тюремном заключении активисток женского и правозащитного движения, что было воспринято как доказательство смягчения ее позиции в отношении «либералов-политиков». Ранее, в январе того же года был предан гласности проект нового закона о гражданском статусе, уравнивающий мужчин и женщин в сфере семейно-брачных отношений [Okaz tanshur, 2021]. Касаясь этого проекта, Мухаммед бен Сальман утверждал, что осуществленная

кодификация ханбалитского права недостаточна для «торжества справедливости в судебной системе», что означает, что страна «нуждается в волне новых реформ» [Wali al-ahd, 2021]. Линия власти на союз с «либералами» обретала дополнительные нюансы.

Все же, значение нынешних начинаний власти не должно преувеличиваться. Ее действия продолжают определяться все той же устремленностью к монополизации процесса реформирования государства и общества и дозированностью степени и скорости осуществляемых преобразований. Саудовская перестройка реализуется не только в силу необходимости сохранения уровня общественной легитимности, но и под воздействием внешних факторов (одним из которых выступает международное осуждение в связи с «делом Хашогги», нарушениями прав человека и преследованиями политических оппонентов). Если религиозно-племенная роль власти и сохраняется, то это не означает вместе с тем, что она не способна предложить иные варианты более приемлемого для современности исполнения, но при условии, что «либеральный образованный класс» не выйдет за пределы лояльности режиму, оставаясь ведомым элементом их союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно. *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4 [Naumkin V.V. From Bottom to Top and Back. *Russia in Global Affairs*. April 2011. No. 4 (in Russian)] <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (accessed: 05.05.2011).

Dinamiyat al-amn al-iqlimi. Kalimat al-amir Muqran bin Abdel Aziz [Dynamics of regional security. Speech by Prince Mukran bin Abdel Aziz (in Arabic)] 4 December 2011 <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/34-2011-12-05-06-26-19.html> (accessed: 04.12.2011).

Saudiyyun yutalibun al-malik bi islahat. *Al-Jazeera* [The Saudis Require Reforms of King (in Arabic). *Al-Jazeera*] 23 February 2011 <http://www.aljazeera.net:80/NR/exeres/8492EE30-D3FF-4820-937B-E67286517286.htm?GoogleStatID=20> (accessed: 23.02.2011).

Thalath manatiq tahtadhan 60% min adad sukkun Al-Saudiya. *Okaz* [Three Cities are Home to 60% of the Total Population of Saudi Arabia. *Okaz* (in Arabic)] 17 September 2017 <https://www.okaz.com.sa/last-stop/na/1572802> (accessed: 17.09.2017).

Al-Mamlaka: 8,6 million nasama jumla al-quwwa al-amila. *Al-Hayat* [Kingdom: Total Workforce 8.6 million. *Al-Hayat* (in Arabic)] 1 March 2010 <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> (accessed: 01.03.2010).

Al-Kuwaitat Yu. Min al-mahalliya ila alam muawalam. *Al-Riyadh*. [Al-Kuwaitat Yu. From Provincialism to a Globalized World. *Al-Riyadh* (in Arabic)] 7 June 2010. <http://www.alriyadh.com/2010/06/07/article532670.html> (accessed: 07.06.2010).

Hizb al-umma al-islami yadu ila tashkil jabha aridha ki al-islah al-siyasi [Islamic Ummah Party Calls for Broad Front of Political Reform Supporters (in Arabic)] March 2011 <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TIRJekpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp> (accessed: 11.03.2011).

Istiqlal rasmi wa shaabi hafil li Khadim Al-Haramayn fi Al-Riyadh [Solemn Ceremony of the Official and Public Meeting of the Custodian of the Two Holy Mosques in Riyadh (in Arabic)] 24 February 2011 <http://dlibrary.kingabdullah.sa/handle/123456789/86625> (accessed: 24.02.2011).

Bi qarareyn tarikhiyan al-malik yahjuz maq'ad al-mar'a bi Al-Shura. *Asharq Al-Awsat* [The King Reserves a Seat on the Shura Council for Women by Two Historic Decrees. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 26 September 2011 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issueno=11990> (accessed: 26.09.2011).

Mathalib bi malakiya dusturiya fi Al-Saudiya. *Al-Jazeera* [Requirements of the Constitutional Monarchy in Saudi Arabia. *Al-Jazeera* (in Arabic)] 27 February 2011 <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/8FD04625-05E9-47C3-8855-04412FDD00E6.htm> (accessed: 27.02.2011).

Al-Nizam al-asasi li al-hizb [Party Charter (in Arabic)] February 2011 <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRrd0psTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=jsp> (accessed: 27.02.2011).

Thaurat hanin. 11 March, 6 Rabia al-akhar [*The Desired Revolution*. 11 March, 6 Rabia al-akhar (in Arabic)] March 2011. Pp. 1–5 (Personal archive of the author).

Khadim Al-Haramayn yunawwih bi takatuf al-muwatinin. *Al-Hayat* [Custodian of the Two Holy Mosques Calls for the Rallying of Citizens. *Al-Hayat* (in Arabic)]. 24 April 2013 <http://alhayat.com/home/ksa506441> (accessed: 24.04.2013).

Al-Amir Khaled Al-Faisal: aleya al-tasaddi li muhawwalat ikhtitaf al-mujtamaa yaminan au yasaran. *Asharq Al-Awsat* [Prince Khaled Al-Faisal: We Must Repel Attempts to Push Society to the Right or to the Left. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 21 December 2011 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=655238&issueno=12076> (accessed: 21.12.2011).

Khadim Al-Haramayn: naakhuz min Al-Taura wa Al-Injil wa Al-Quran. *Al-Riyadh* [Custodian of the Two Holy Mosques: We Draw from the Torah, the Gospel and the Koran. *Al-Riyadh* (in Arabic)] 25 October 2010 <http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html> (accessed: 25.10.2010)

Al-Saudiya fi Yaumiha Al-Watani. *Asharq Al-Awsat* [Saudi Arabia on its National Day. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 23 September 2015 <http://aawsat.com/home/article/458926> (accessed: 23.09.2015).

Khadim Al-Haramayn Al-Sharifayn mukhatyban aadha Al-Shura: islahuna mutadarraj. *Asharq Al-Awsat* [Custodian of the Two Holy Mosques Tells Shura Council Members: Our Reform Is Gradual. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 20 February 2013 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=717967&issueno=12503> (accessed: 20.02.2013).

Al-Habib A. Man Huwa Al-Liberali Al-Saudi? *Al-Jazeera* [Who is He, a Saudi Liberal? *Al-Jazeera* (in Arabic)] 10 January 2011 <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm> (accessed: 10.01.2011).

Mubarak T. Al-Taayush maa al-alam badlan min siraat al-sahwa. *Asharq Al-Awsat* [Coexistence with the World, Not a Religious Battle. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 17 December 2004 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=17&article=271647&issueno=9516> (accessed: 17.12.2004).

Al-Heyth A. Musharaka al-mar'a fi al-haya al-siyasiya al-saudiya. *Al-Jazeera* [Women's Participation in Saudi Political Life. *Al-Jazeera* (in Arabic)] 17 October 2011 <http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/26C86176-EB3A-45AA-874D-369D9D87DA21.htm> (accessed: 17.10.2011).

Ruyat Al-Mamlaka Al-Arabiya Al-Saudiya: 2030 [Vision of the Kingdom of Saudi Arabia: 2030 (in Arabic)] May 2016 <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 26.05.2016)

Tahaqquq Tammuh. *Asharq Al-Awsat* [Realization of Aspirations. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 26 April 2016 <http://aawsat.com/home/article/625466> (accessed: 27.04.2016).

Interview with Muhammad bin Salman. *The Economist*. January, 6, 2016 http://www.economist.com/saudi_interview (accessed: 07.01.2016).

Muhammad bin Salman: Sanaqdhy Ala Al-Tatarruf. *Asharq Al-Awsat* [Muhammad bin Salman: We Will End Extremism. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 25 October 2017 <https://aawsat.com/home/article/1062851> (accessed: 26.10.2017).

Muhammad bin Salman: Asharq Al-Awsat huwa Aurobba jadida. *Asharq Al-Awsat* [Muhammad bin Salman: The Middle East is the New Europe. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 25 October 2018 <https://aawsat.com/home/article/1437181> (accessed: 07.01.2016).

Thaurat 4 November. *Al-Watan* [Revolution of November 4. *Al-Watan* (in Arabic)] 5 November 2017 <https://www.elwatannews.com/news/details/2682150> (accessed: 05.11.2016).

Khashoggi Wa Kuwalis Al-Masrahiya. *Al-Watan* [Khashoggi and Comedy Backstage. *Al-Watan* (in Arabic)] 9 October 2018 http://www.alwatan.com.sa/Politics/News_Detail.aspx?ArticleID=349738&CategoryID=1 (accessed: 09.10.2018).

Al-Majed H. Limatha najahat al-duwwal that al-anzhyma al-malakiya? *Asharq Al-Awsat* [Why Monarchical States Were Successful? *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 23 March 2021

Al-Zaidi M. Thaura Saudiya Naima. *Al-Arabiya* [Saudi soft revolution. *Al-Arabiya* (in Arabic)] 6 February 2020 <https://www.alarabiya.net/politics/2020/02/06/ثورة-سعودية-ناعمة> (accessed: 07.02.2020).

Okaz tanshur abraz malamih nizham jaded li al-ahwal al-shakhsyia. *Okaz* [Okaz Publishes the Most Important Provisions of the New Civil Status Law. *Okaz* (in Arabic)] 25 January 2021 <https://www.okaz.com.sa/news/local/2055886> (accessed: 26.01.2021).

Wali al-ahd al-saudi ya'lian an islahat fi nizham al-ahwal al-shakhsyia. *Sky News Arabic* [Crown Prince Announces Changes to Personal Status Law. *Sky News Arabic* (in Arabic)] 8 February 2021 <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1413843-ولي-العهد-السعودي-يعلن-إصلاحات-نظام-الأحوال-الشخصية> (accessed: 09.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОСАЧ Григорий Григорьевич –
доктор исторических наук, профессор
факультета мировой политики МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Grigory G. KOSACH, DSc (History), Professor,
School of World Politics, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia.